

Обзор исследований по проблеме ингибиторов агрессии (Часть 1)

Калашникова А.С., кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета Юридической психологии МГППУ, старший научный сотрудник ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздрава России (kaspsy@mail.ru)

Дворянчиков Н.В., кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета Юридической психологии МГППУ, декан факультета Юридической психологии МГППУ (dvorian@gmail.com)

Василенко Т.Г., аспирантка факультета Юридической психологии МГППУ (vasilenko.t.g@gmail.com)

Большинство современных исследователей в генезе формирования агрессивного поведения неразрывно рассматривают проагрессивные и сдерживающие, или ингибирующие, агрессивные проявления факторы. При этом также существуют научные подходы к пониманию природы агрессии, которые в ряде случаев не акцентируют внимания непосредственно на тормозящих агрессивные импульсы структурах, а ограничиваются рассмотрением только катализаторов агрессии. В представленной статье обсуждается вопрос о необходимости введения термина «ингибиторы агрессии», анализируются различные позиции и взгляды на данную проблему. Рассматриваются не только отечественные представления о природе тормозящих агрессивную структуру, но и проводится анализ зарубежных исследований, направленных на изучение психологического аналога данному явлению – «защитных факторов». Первая часть статьи посвящена теоретическому обзору проблемы ингибиторов агрессии, который не только впервые прослеживает историю изучения данного феномена, но и делает попытку анализа немногочисленных на сегодняшний день теорий агрессивного поведения, ставящих перед собой задачу обоснования психологического механизма взаимодействия проагрессивных и ингибирующих личностных структур.

Ключевые слова: агрессивное поведение, ингибиторы агрессии, тормозящие (подавляющие) агрессивные личностные структуры, защитные факторы, теории агрессии.

Исследование такого феномена как агрессия всегда являлось крайне актуальным и, несомненно, будет оставаться таковым в связи с необходимостью получения конкретных результатов в целях повышения эффективности мер по предупреждению совершения уголовных правонарушений. Изучение проблемы возникновения агрессивного поведения невозможно без учета сдерживающих агрессивные проявления факторов. Так, многие исследователи данной проблемы неразрывно рассматривали проагрессивные и ингибирующие агрессивные личностные структуры в генезе формирования в том числе противоправного агрессивного

поведения. Однако несмотря на однозначное принятие многими авторами существенной роли сдерживающих агрессию факторов, исследований, посвященных комплексному изучению данных структур, по-прежнему немного. Так, исследователи соглашались в том, что при акцентировании внимания исключительно на проагрессивных факторах риска важная информация относительно другой части уравнения о риске совершения насилия – «защитных факторах» – несправедливо игнорируется, и что учет защитных факторов для измерения риска совершения агрессивных действий необходим для точной оценки риска, в том числе рецидива насилия [19; 28; 47]. По мнению Р. Роджерса, большинство исследований данного явления крайне односторонни в своем перечислении факторов риска с частичным или полным исключением «защитных факторов» [39]. В.Г. Булыгина считает, что выявление факторов, сдерживающих агрессивное поведение, является важной проблемой, решение которой необходимо найти в ближайшем будущем, поскольку иначе это может привести к таким последствиям как пессимизм среди терапевтов, стигматизация правонарушителей и, в итоге, к неоправданно долгому содержанию под стражей пациентов судебной психиатрии [5]. Целью данной статьи является теоретический обзор проблемы ингибиторов агрессии, который не только прослеживает историю изучения данного феномена, но и рассматривает немногочисленные современные теории агрессивного поведения, ставящие перед собой задачу обоснования психологического механизма взаимодействия проагрессивных и ингибирующих личностных структур.

Различные авторы, соглашаясь в необходимости учета сдерживающих агрессивные проявления факторов в генезе агрессивного поведения, использовали разные термины, отличающиеся по содержанию. Так, термин «ингибиторы агрессии» впервые был предложен А.А. Налчаджяном, который рассматривает их как факторы, предупреждающие агрессивные действия и включающие в себя не только личностные структуры, но и ряд физических особенностей, некоторые формы инстинктивного поведения, жесты, мимику и пр. [10]. В отличие от А.А. Налчаджяна, принимающего в качестве ингибиторов агрессии особенности, присущие как непосредственно самому агрессору, так и внешние поведенческие характеристики его жертвы, на которые реагирует агрессор, другие авторы сконцентрировались только на анализе контролирующих агрессию структур личности самого агрессора. Так, например, А.И. Ложкин использует термин «защитная мотивация», отделяя ее от смысловой регуляции поведения. Защитная мотивация, согласно автору, запрещает реализацию мотива насилия, в отличие от смысловой регуляции, которая в случае выраженности глубинных агрессивных ценностей может выполнять функцию источника агрессивного поведения [8]. Ф.С. Сафуановым был предложен термин «тормозящие (подавляющие) агрессию личностные структуры», который, по мнению автора, в большей мере отражает их психологическое регулирующее воздействие, осуществляемое разнообразными уровнями и сторонами личности, и которое невозможно свести только к процессам «опосредования» или только к «контролю» [11].

В зарубежной литературе большее распространение получил термин «защитные факторы», которые рассматриваются в контексте оценки риска совершения насилия, причем в практическом плане большинство исследований посвящены оценке риска рецидива агрессивных правонарушений. Под защитными

факторами риска совершения насилия понимают как характеристики самого правонарушителя, так и средовые и ситуационные факторы, которые снижают риск будущего насильственного поведения, таким образом, защитные факторы находятся в диапазоне личностных и ситуационных переменных [47]. По мнению DeVogel, протективные (защитные) факторы – это факторы, которые могут скомпенсировать личностные факторы риска и тем самым сыграть важную роль для общего понимания риска совершения агрессивных действий [47]. Однако следует отметить, что некоторые авторы определяют защитные факторы исключительно как отсутствие факторов риска [18] или как факторы, противоположные факторам риска [30; 48], предполагая, что любой фактор риска может являться одновременно и защитным фактором, и наоборот. Другие авторы предполагают, что защитные факторы могут существовать вне зависимости от факторов риска [25]. Например, в ходе исследований было показано, что религиозность отрицательно коррелирует с делинквентностью [37], при этом отсутствие религиозности не является фактором риска.

Большинство исследователей согласны в том, что положительный эффект защитных факторов противопоставляется негативному эффекту факторов риска, однако точный механизм взаимодействия между данными структурами остается до конца не изученным. Анализ современных исследований позволил выделить три теоретических модели, описывающих связь проагрессивных и ингибирующих факторов [26; 33; 44]:

- модель посредничества, которая подразумевает прямое воздействие защитных факторов на факторы риска, и наоборот;
- модель регулятора, или буфера, которая предполагает взаимодействие защитных факторов и взаимосвязанных с противоправным поведением факторов риска;
- модель основного эффекта, согласно которой защитные факторы воздействуют непосредственно на противоправное поведение.

K.M. Fitzpatrick, R. Jessor, M.S.Turbin, F.M. Costa, Q. Dong, H. Zhang, C. Wang считают, что вероятность агрессивного поведения отражается прежде всего в первых двух механизмах: защитные факторы оказывают влияние на факторы риска напрямую, понижая или ослабляя их, однако они также оказывают влияние и на взаимосвязь насильственного поведения и факторов риска, оказывая компенсационный эффект на отношения фактор риска – насилие [26; 33; 44]. В качестве примера положительного эффекта «посредничества» авторы приводят благоприятное влияние защитного фактора «фармацевтические лекарственные средства» на фактор риска «активация симптомов основного психического расстройства», а в качестве примера положительного влияния эффекта «модератора, или буфера» – воздействие на такие проявления факторов риска, как «злоупотребление алкоголем или психоактивными веществами» или «импульсивность», которые уменьшаются под влиянием защитного фактора «внешний контроль» [33; 44]. Дальнейшие исследования, рассматривающие в качестве оценки риска насилия как факторы риска, так и защитные факторы, могут привести больше ясности в понимание точных механизмов их взаимодействия.

Вопрос об ингибиторах агрессии всегда был неразрывно связан с изучением природы самой агрессии и в том или ином варианте поднимался исследователями различных психологических подходов как неотъемлемая составляющая агрессивного поведения. В настоящей статье предлагается обзор основных теорий агрессии, который, однако, не ставит перед собой задачу детального рассмотрения содержания каждого подхода, а делает акцент на выявлении истоков формирования понятия «сдерживающих агрессию факторов».

С точки зрения инстинктивистского подхода, основоположником которого был З. Фрейд, агрессия по своей природе врожденна и неизбежна [12]. В человеке конфликтуют две силы: Эрос, сохраняющий жизнь, и Танатос – разрушающий. Механизмы смещения направляют энергию Танатоса вовне, чтобы не произошло разрушение самого индивидуума. Таким образом, агрессия является разрушением, направленным на других людей во избежание саморазрушения, тогда как сила Эроса выступает в качестве механизма торможения агрессии. Представление о врожденном характере агрессии в дальнейшем нашло отражение в теории «прирожденного преступника» Ч. Ломброзо, теории о связи конституциональных особенностей и физических свойств человека с преступлением У. Х. Шелдона, теории влияния свойств нервной системы Г. Айзенка, а также в исследованиях роли генетических и нейрофизиологических переменных в криминальном поведении [2].

Согласно другому представителю инстинктивистского подхода, этологу К. Лоренцу, природа агрессии берет начало из врожденного инстинкта борьбы за выживание [9]. Энергия агрессии непрерывно генерируется и накапливается в организме, и чем больше этой энергии, тем меньший стимул требуется для ее выплеска. Люди, в отличие от животных, обладают слабым тормозным механизмом, препятствующим нападению на представителей своего вида. К. Лоренц связывает наличие структур, сдерживающих проявления агрессии, с тем, что у животных есть орудия нападения: когти, большие клыки и др., которыми человек не обладает. Согласно К. Лоренцу, волки и другие хищники наделены тормозными механизмами, которые функционально аналогичны морали, так как животные убивают друг друга в самых редких случаях. Автор считает, что люди злоупотребляют агрессивностью, необходимой прежде всего для сохранения вида, а тормозные механизмы эволюционно у них так и не возникли. Однако говоря о сдерживающих агрессию механизмах у животных в виде успокаивающих жестов, автор отмечает наличие у человека физических особенностей женщин и детей – их миловидность, и определяет это как комплексный ингибитор. Если же человек совершает акты насилия при непосредственном контакте с жертвой, это говорит об отсутствии у него данного ингибитора.

Подход, предложенный Дж. Доллардом, подразумевает, что в основе агрессии лежит фрустрация [22]. Толчок к агрессивному поведению тем сильнее, чем в большей степени субъект ожидает удовлетворение от будущего достижения цели, чем сильнее препятствие и чем большее количество реакций блокируется. Агрессивную реакцию наибольшей силы может вызвать совокупность сил, следующих друг за другом реакций, однако акты агрессии, выполняющие функцию тормозящих механизмов, не несут ущерба и снижают уровень побуждения к сильной агрессивной реакции. Такими актами-ингибиторами могут быть оскорбления, агрессивные фантазии, удар по столу кулаком и др. Фрустрацию как природу преступления исследовал и Л. Берковиц, по мнению которого, фрустрация не всегда

ведет к агрессии, а только создает готовность к агрессивному поведению. Автор ввел две сдерживающие переменные, относящиеся к побуждению и направленности поведения [3].

С точки зрения социального подхода, основоположником которого является А. Бандура, агрессия усваивается индивидуумом в процессе социализации посредством наблюдения соответствующего образа действий и подкрепления [1]. Согласно автору, агрессия включает в себя действия, за которыми стоят сложные неврожденные навыки, такие, например, как навык обращения с оружием или знание болезненных и опасных для жертвы движений и приемов, понимание конкретных слов, приносящих страдания объекту агрессии. Таким образом, следует, что сдерживающее влияние на агрессию может оказать отсутствие примеров агрессивного поведения и подкрепления, возможностей для развития необходимых навыков, а также наличие социально желательного примера поведения. При этом именно в теории социального научения впервые было выдвинуто предположение, что личностные структуры могут либо способствовать, либо тормозить проявления агрессивных действий. В дальнейшем данное положение легло в основу ряда современных исследований в области ингибиторов агрессии [7; 8; 11].

По мнению сторонников гуманистического подхода А. Маслоу, Э. Фромма и др., человек от рождения изначально добр, а проявляемая им агрессия – это результат неудовлетворения насущных потребностей. Э. Фромм ввел понятие человеческой деструктивности, определяя ее как специфическую злокачественную форму агрессии [13]. Своевременное удовлетворение актуальных потребностей будет являться тормозящим, даже блокирующим агрессию механизмом [4].

А.А. Налчаджян, основываясь на идеях З. Фрейда, описывает агрессию исходя из теории конфликта [10; 12]. Так, агрессия может быть результатом как внутриличностного, так и межличностного конфликта. Как полагает автор, агрессия соотносится с понятием борьбы как попытки разрешения конфликта, характер которой зависит от его типа, например, внутриспсихический, социальный или межэтнический. По определению А.А. Налчаджяна, агрессия является поведенческим аспектом враждебной установки к социальному объекту человека, который возможен только в результате внутриспсихической подготовки. При этом ингибиторы агрессии тесно связаны с адаптацией индивида в ситуации опасности или напряжения, так как агрессивные действия косвенно подавляются неагрессивными адаптивными механизмами. Ингибиторами, или тормозными механизмами, А.А. Налчаджян называет факторы, предупреждающие агрессивные действия или элиминирующие результат уже совершенных действий. Он выделяет биологические и социально-психологические сдерживающие механизмы, которыми могут выступать позы жертвы, моральные принципы, нормы и др. Помимо этого, он выделяет механизмы, устраняющие влияние ингибиторов – дезингибиторы. Примером действия такого дезингибитора может быть наблюдение сцен насилия и вандализма, результатом которого может стать активация потенциально присутствующего у всех людей агрессивного влечения [10].

Среди отечественных работ, посвященных исследованию агрессивного поведения, личностные структуры, способствующие и тормозящие проявления агрессии, активно рассматривались в рамках изучения психологических механизмов криминальной агрессии.

В настоящее время наиболее признанным является подход, предложенный Ф.С. Сафуановым, который, опираясь на существующие теории возникновения агрессии, предложил в качестве оснований психологической типологии криминальной агрессии выделять три основных параметра: уровень агрессивности личности, уровень выраженности психотравмирующего воздействия ситуации и уровень выраженности тормозящих агрессию структур [11]. Таким образом, каждый отдельный акт агрессии определяется соотношением проагрессивных и сдерживающих агрессию личностных структур с учетом характера ситуации. Именно начиная с работ Ф.С. Сафуанова, можно говорить о начале комплексного всестороннего исследования сдерживающих агрессию факторов, которые, согласно автору, оказывают тормозящее влияние на проявление агрессивных побуждений с помощью двух основных механизмов: опосредования действий смысловыми образованиями личности и личностного контроля, и коррекции каждого этапа формирования мотивации и поведения [там же].

Ф.С. Сафуанов предлагает наиболее полную на сегодняшний день классификацию тормозящих агрессию структур, которая включает ценностные, социально-нормативные, диспозиционные, эмоциональные, коммуникативные, интеллектуальные сдерживающие структуры и психологические защитные механизмы [там же]. Подробный анализ указанных видов сдерживающих агрессию личностных структур будет представлен во второй части настоящей статьи.

Типология криминальной агрессии, предложенная Ф.С. Сафуановым, включившая сдерживающие агрессию личностные факторы в структуру агрессивного акта, дала толчок к новым исследованиям в данной области. Так, согласно исследованию А.С. Калашниковой, одни и те же ингибиторы агрессии в ряде случаев могут оказывать тормозящее воздействие как на проявления гетероагрессии, так и аутоагрессии, причем сдерживающее воздействие на агрессию оказывает не один вид ингибиторов в отдельности, а комплекс всех личностных факторов [6]. Также автором впервые было проведено исследование гендерных особенностей агрессивного поведения, согласно результатам которого среди лиц, совершивших противоправные деяния и/или попытки суицида, в целом, женщины по сравнению с мужчинами обладают более широким спектром тормозящих агрессию структур [7].

Если же обратиться к современным зарубежными исследованиям в области криминальной психологии, также можно проследить тенденцию к созданию интегративной модели поведения, включающей проагрессивные и тормозящие агрессию структуры личности. Однако большинство исследований сосредоточены на анализе одной или нескольких ведущих ингибирующих структур при отсутствии учета всех возможных сдерживающих агрессию факторов.

Так, авторы теории, известной как Общая модель агрессии (Generalaggressionmodel), взяли за основу теорию социального научения и социально-когнитивные теории, включив и интегрировав ситуационные, индивидуально-психологические и биологические факторы агрессивного поведения [14; 21]. Согласно данной теории, социальное поведение рассматривается через призму контроля и внутренних процессов саморегуляции. По мнению авторов, социальное поведение зависит от индивидуальной структуры, отражающей события внешней среды, включающей личностную интерпретацию событий,

убеждения об основных способах реагирования на такие события, осознанные навыки реагирования различными способами, а также предвосхищение вероятных результатов. Основными ингибиторами агрессии, согласно данной теории, являются самоконтроль и интеллект. Самоконтроль, зависящий от индивидуальных либо ситуационных факторов, оказывает влияние на оценку ситуации и принятие решения, способствует обдуманной переоценке провокации, что приводит в большинстве случаев к неагрессивному поведению. Интеллектуальные структуры, по мнению G.A. Anderson, C.N. DeWall, R.A. Cobb и др., играют ключевую роль в предупреждении агрессии, влияя в качестве компонента психики на то, как человек воспринимает, понимает и взаимодействует с миром социума [14; 16; 21]. Они развиваются при получении человеком опыта, благодаря которому у него возникают убеждения и установки, которые затем человек привносит в ситуации.

Создатели теории взаимодействия личностных систем (Personality Systems Interaction Theory) Т. Росс и М. Фонтао также считают, что саморегуляция играет важную роль в феноменологии человеческой агрессии и является определяющей для понимания развития агрессивного-насильственного поведения [40]. Согласно данной теории, в структуре личности взаимодействуют два механизма фасилитации (саморегуляция и самоконтроль) и три ингибирующих механизма (волевой ингибитор, волевое избегание и само-(или ауто-)торможение). Саморегуляция включает неосознаваемые психологические навыки внимания и контроля, мотивации и управления настроением. Типичными дефицитами саморегуляции являются склонность к рассуждательству, рассеянность (или озабоченность) и отчуждение. Механизмами когнитивного самоконтроля являются планирование, импульсивный контроль или инициативность, доступные в свою очередь осознанию. Относящиеся к ингибирующим механизмам волевой ингибитор и самоторможение способствуют личностной инициации поведения, целеполаганию и поддержанию намерений и целей. Типичными дефицитами ингибирующих механизмов являются недостаток энергии, вялость и склонность к разрушению. Все психические явления, по мнению Т. Росс и М. Фонтао, могут быть интегрированы в четыре основных взаимодействующих системы личности: произвольная память, общие процессы памяти, процесс восприятия и идентификации предметного мира, а также внутренний интуитивный контроль поведения [40]. Отклонения в поведении, таким образом, всегда вызваны дефицитом того или иного механизма системы, а самый важный параметр в структуре агрессивного криминального поведения, согласно представленной модели, – это саморегуляция.

Другая теория получила название мета-теории интегративной структуры связи агрессии и тормозящих механизмов I³ (I-cubedtheory). Согласно авторам данного подхода, в основе агрессивного поведения лежит взаимодействие трех процессов: подстрекательства (провокации), побуждения и торможения, или ингибитора [20]. Подстрекательство подразумевает наличие потенциальной жертвы во взаимосвязи с социальной динамикой, при которой социально-нормативные факторы не тормозят агрессию, а напротив, подталкивают к агрессии. Побуждение относится к диспозиционным и ситуативным факторам, которые психологически подготавливают человека испытать сильное побуждение к агрессии в ответ на провокацию. По мнению Т.Ф. Денсон, С.Н. ДеУолл, Е.Д. Финкел, наиболее сильный толчок к совершению агрессивного поступка появляется при столкновении провокации и побуждения одинаковой силы. Торможение относится к диспозиционным и

ситуативным факторам, которые способствуют увеличению вероятности преодоления агрессивного побуждения. Когда сила торможения превышает силу агрессивного побуждения, человек становится неагрессивен, и наоборот, когда сила агрессивного побуждения превышает силу тормозных механизмов, человек становится агрессивен.

Согласно исследованиям М. Rutter, ответ личности на воздействие любого фрустратора может быть обусловлен влиянием как оценки самой ситуации, так и готовностью к получению нового опыта, придания ему значения и последующего включения в систему убеждений, формирующую мировоззрение [41]. Очень важно, каким образом люди справляются с трудностями и стрессовыми ситуациями – они не только непосредственно реагируют на фрустратор, а осознанно реализуют определенные копинг-стратегии. Способность личности к эффективной деятельности в сложных ситуациях проявляется как через высокий уровень самооценки и ощущение собственной значимости, так и через определенный набор навыков разрешения проблем, т. е. копинг-стратегий, в который входят особенности темперамента, а также разнообразные качества, обеспечивающие стабильность эмоциональных взаимоотношений, успешную деятельность, достижения и способность извлекать положительный опыт. Данные ингибирующие агрессию личностные качества регулируют главным образом взаимодействие с другими людьми, а также обеспечивают регуляцию индивидуальных ответов на жизненные обстоятельства. Если индивид при столкновении с проблемами и их сложными последствиями не избегает стресса, а выбирает эффективные копинг-стратегии, то данный стиль поведения способствует росту уверенности в себе и социальной компетентности в будущем. При этом, как отмечает автор, функция защиты не сводится к эффекту буферизации какого-то поддерживающего фактора, работающего в конкретном промежутке времени. Скорее, качество устойчивости личности к внешним воздействиям проявляется в том, как человек справляется с возникающими ситуациями, при этом решающее значение отводится раннему жизненному опыту. Ни один из факторов сам по себе не является решающим для определения способности лица справляться с фрустрирующими обстоятельствами, однако в сочетании они могут создавать цепочку взаимосвязей, способствующую эффективному разрешению проблемных ситуаций [41].

В последние годы судебные психологи и психиатры как в России, так и зарубежом, начали признавать значение защитных факторов для более точной оценки риска и более эффективной превенции насилия в клинической практике [23; 25; 31; 34; 48]. Исследование защитных факторов выявило статические и динамические факторы, которые могут помочь правонарушителям сдерживаться от насильственного поведения. Статические защитные факторы включают такие личностные переменные, как «интеллект» [35] и «безопасная привязанность в детстве (эмпатия)» [27]. Динамические защитные факторы отражают такие, например, внутриличностные характеристики, как «копинг (совладание)» [45] и «самоконтроль» [42; 43], такие мотивационные установки, как «работа и хобби» [29], «мотивация на лечение» [32], а также такие внешние средовые факторы, как «социальное взаимодействие» [44] и «профессиональная забота» [17]. Вместе с тем исследование личностных структур, сдерживающих криминальное поведение [24; 36; 46], а также анализ процесса прекращения криминальных возможностей (knifing-off) [36], показали, что снижение риска совершения насилия с течением

времени может быть результатом ситуационных изменений или относиться к возрастным процессам или процессам созревания.

Исследователями было выявлено, что принудительное лечение, направленное на снижение риска рецидива насилия, должно быть направлено не только на уменьшение факторов риска, но и на усиление защитных факторов [15; 38]. Особое внимание к сохранным звеньям личности психически больных пациентов и особенностям их среды может принести ценный вклад в лечение и процесс их ресоциализации [47].

Итак, со времени появления первых научных работ, рассматривающих проблему агрессии и сдерживающих ее проявления факторов, прошло больше века, но интерес к данной тематике только увеличивается, на что указывает рост числа публикаций в данной области исследования, а также многообразие психологических моделей анализа и объяснения процесса возникновения агрессивного поведения. В первой части настоящей статьи мы рассмотрели историю появления теорий агрессии и обнаружили, что начиная с первых научных изысканий в данном направлении, авторы неразрывно связывали агрессивное поведение с противоположным по своему назначению явлением – ингибиторами агрессии, хотя сам термин появился сравнительно недавно. В первой части статьи был также представлен теоретический обзор немногочисленных на сегодняшний день современных зарубежных исследований, направленных на выявление единого психологического механизма взаимодействия проагрессивных и сдерживающих агрессию факторов. Вторая часть статьи будет посвящена анализу отечественных и зарубежных исследований, направленных на изучение отдельных проявлений, сдерживающих агрессию структур.

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения. – СПб.: Евразия, 2000. 320 с.
2. Бартол К. Психология криминального поведения. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 352 с.
3. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. 512 с.
4. Богдан С.С. Человеческая деструктивность как форма агрессии: экзистенциально-гуманистический подход // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. С. 20–23.
5. Булыгина В.Г. Новые инструменты в зарубежной практике – структурированное измерение протективных факторов риска насилия // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по

- юридической психологии с международным участием. – М.: МГППУ, 2012. С. 48–50.
6. *Калашникова А.С.* Соотношение личностных предпосылок разнонаправленной (гетеро- и ауто-) агрессии // Мир психологии. 2009. № 4. С. 258–266.
 7. *Калашникова А.С.* Психологические механизмы аутоагрессивных и гетероагрессивных действий у лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2011. № 3(8). URL: http://www.medpsy.ru/mprij/archiv_global/2011_3_8/nomer/nomer07.php (дата обращения: 18.11.2013).
 8. *Ложкин А.И.* Психология личности агрессивно-насильственного преступника (мотивационно-смысловой аспект). Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2002. 136 с.
 9. *Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло»): Пер. с нем. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 272 с.
 10. *Налчаджян А.А.* Агрессивность человека. – СПб.: Питер, 2007. 736 с.
 11. *Сафуанов Ф.С.* Психология криминальной агрессии. – М.: Смысл, 2003. 300 с.
 12. *Фрейд З.* Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский.– М.: Просвещение, 1990. 448 с.
 13. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. Пер. с нем. М.: АСТ, 2006. 640 с.
 14. *Anderson G.A., Carnagey N.L.* Violent evil and the general aggression model / Chapter in Miller A.G. (Ed.) The social psychology of good and evil. New York Guilford Publications, 2004. Pp. 162–192.
 15. *Blum R.W., Ireland M.* Reducing risk, increasing protective factors: Findings from the Caribbean Youth Health Survey // Journal of Adolescent Health, 2004. № 35. Pp. 493–500.
 16. *Cobb R.A., DeWall C.N., Lambert N.M., Fincham F.D.* Implicit theories of relationships and close relationship violence: does believing your relationship can grow relate to lower perpetration of violence? / Personality and social psychology bulletin. 2013. Pp. 279–292.

-
17. *Cooper C., Eslinger D.M., Stolley P.D.* Hospital-based violence intervention programs work // *Journal of Trauma-Injury Infection and Critical Care*, 2006. № 61. Pp. 534–540.
 18. *Costa F.M., Jessor R., Turbin M.S.* Transition into adolescent problem drinking: The role psychosocial risk and protective factors // *Journal of Studies on Alcohol*, 1999. № 60. Pp. 480–490.
 19. *DeMatteo D., Heilbrun K., Marczyk G.* Psychopathy, risk of violence, and protective factors in a noninstitutionalized and noncriminal sample // *International Journal Of Forensic Mental Health*, 2005. № 4. Pp. 147–157.
 20. *Denson T.F., DeWall C.N., Finkel E.J.* Self-Control and Aggression / *Current Directions in Psychological Science*, 2012. Pp. 20–25.
 21. *DeWall C.N., Anderson C.A., Bushman B.J.* The general aggression model: Theoretical extensions to violence / *Psychology of Violence*. 2011. № 1. Pp. 245–258.
 22. *Dollard J., Doob L., Miller N.E., Mowrer H.O., Sears R.R.* Frustration and aggression. New-Haven, Yale, 1939. 121 p.
 23. *Douglas K.S., Skeem, J.L.* Violence risk assessment: Getting specific about being dynamic // *Psychology, Public Policy, and Law*, 2005. № 11. Pp. 347–383.
 24. *Ezell M.E., Cohen L.E.* Desisting from crime: Continuity and change in long-term crime patterns of serious chronic offenders // N.Y.: Oxford University Press, 2005. P. 20.
 25. *Farrington D.P., Loeber R.* Epidemiology of juvenile violence // *Child and Adolescent Psychiatric Clinics of North America*, 2000. № 9. Pp. 733–748.
 26. *Fitzpatrick K.M.* Fighting among America's youth: A risk and protective factors approach // *Journal of Health and Social Behavior*, 1997. № 38. Pp. 131–148.
 27. *Fonagy P., Target M., Steele H.* The development of violence and crime as it relates to security of attachment // in J. Osotsky (ed.) *Children in a violent society*, N.Y.: Guildford Press, 1997. Pp. 150–177.
 28. *Gagliardy G.J., Lovell D., Peterson P.D., Jemelka R.* Forecasting recidivism in mentally ill offenders released from prison // *Law and Human Behavior*, 2004. № 28. Pp. 133–155.
 29. *Gendreau P., Goggin C., Gray G.* Case needs review : Employment domain // Saint John, NB: Centre for Criminal Justice Studies, University of New Brunswick, 2000.

-
30. *Hawkins J.D., Catalano R.F., Miller J.Y.* Risk and protective factors for alcohol and other drug problems in adolescence and early adulthood: Implications for substance abuse prevention // *Psychological Bulletin*, 1992. № 112. Pp. 64–105.
 31. *Heilbrun K.* Violence risk: From prediction to management // in D. Carson and R. Bull (eds) *Handbook of psychology in legal context*. N.Y.: Wiley, 2003. Pp. 127–142.
 32. *Howells K., Day A., Williamson P., Bubner S., Jauncey S., Parker A., Heseltine K.* Brief anger management programs with offenders: Outcomes and predictors of change, *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*, 2005. № 16. Pp. 296–311.
 33. *Jessor R., Turbin M.S., Costa F.M., Dong Q., Zhang H., Wang C.* Adolescent problem behavior in China and the United States: A cross-national study of psychosocial protective factors. *Journal of Research on Adolescence*. 2003. № 13. Pp. 329–360.
 34. *Jones N.J., Brown S.L.* Positive reframing: The benefits of incorporating protective factors into risk assessment protocols // *Crime scene*, 2008. № 15. Pp. 22–24.
 35. *Kandel E., Mednick S.A., Kirkegaard-Sorensen L., Hutchings B., Knop J., Rosenberg R., Schulsinger F.* IQ as a protective factor for subjects at high risk for antisocial behavior // *Journal of Interpersonal Violence*. 1988. № 25. Pp. 568–587.
 36. *Maruna S., Roy K.* Amputation or reconstruction? Notes on the concept of 'knifing off' and desistance from crime // *Journal of Contemporary Criminal Justice*. 2006. № 22. Pp. 1–21.
 37. *Pearce M.J., Jones S.M., Schwab-stone M.E., Ruchkin V.* The protective effects of religiousness and parent involvement on the development of conduct problems among youth exposed to violence // *Child Development*. 2003. № 74. Pp. 1682–1696.
 38. *Resnick M.D., Ireland M., Borowsky I.* Youth violence perpetration: What protects? What predicts? Findings from the National Longitudinal Study of Adolescent Health. 2004. № 35. P. 424.
 39. *Rogers R.* The uncritical acceptance of risk assessment in forensic practice // *Law and Human Behavior*. 2000. № 24. Pp. 595–605.
 40. *Ross T., Fontao M.I.* The relationship of self-regulation and aggression: an empirical test of personality systems interaction theory / *International journal of offender therapy and comparative criminology*. 2008. Pp. 554–572.
 41. *Rutter M.* Resilience in the face of adversity: protective factors and resistance to psychiatric disorder // *Br J Psychiatr*, 1985. Pp. 598–611.

-
42. *Tangney J.P., Baumeister R.F., Boone A.L.* High self-control predicts good adjustment, less pathology, better grades, and interpersonal success // *Journal of Personality*. 2004. № 72. Pp. 271–324.
43. *Tangney J.P., Stuewig J., Mashek D., Hastings M.* Assessing jail inmates' proneness to shame and guilt: feeling bad about the behavior or the Self? / *Criminal justice and behavior*, 2011. Pp. 710–734.
44. *Turbin M.S., Jessor R., Costa F.M., Dong Q., Zhang H., Wang C.* Protective and risk factors in health-enhancing behavior among adolescents in China and the United States: Does social context matter? // *Health Psychology*, 2006. № 25. Pp. 445–454.
45. *Vance J.E., Bowen N.K., Fernandez G., Thompson S.* Risk and protective factors as predictors of outcome in adolescents with psychiatric disorder and aggression // *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. 2002. № 41. Pp. 36–43.
46. *Vaughan B.* The internal narrative of desistance // *British Journal of Criminology*. 2007. № 47. Pp. 390–404.
47. *VriesRobbé de, Vogel de.* Chapter on Protective factors for violence risk: Bringing balance to risk assessment and management // *Managing Clinical Risk* by Caroline Logan & Lorraine Johnstone, 2012. Pp. 293–310.
48. *Webster C.D., Martin M., Brink J., Nicholls T.L., Middleton C.* Short-Term Assessment of Risk and Treatability (START): An evaluation and planning guide. Hamilton, Ontario: St. Joseph's Healthcare Hamilton, 2004. Pp. 1–15.

A review of research on the problem of aggression inhibitors (Part 1)

Kalashnikova A.S., PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, MCUPE, Senior Research Assistant, V.P. Serbskiy State Research Center of Social and Forensic Psychiatry, Russian Ministry of Health (kaspsy@mail.ru)

Dvoryanchikov N.V., PhD in Psychology, dean, department of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education (dvorian@gmail.com)

Vasilenko T.G., Post-graduate Student, Chair of Legal Psychology, MSUPE (vol4onka_@mail.ru)

Most modern scholars in the genesis of the aggressive behavior inextricably consider proaggressive factors and factors constraining, or inhibiting, aggressive manifestations. At the same time, there are also scientific approaches to understanding the nature of aggression, which in some cases does not focus directly on the structures inhibiting aggressive impulses, and are limited to considering only the aggression catalysts. In the present article we discuss the need to introduce the term "inhibitors of aggression", analyze different positions and views on this problem. We consider not only Russian conceptions of the nature of aggression retarding structures, but also the international research aimed at understanding the psychological analogue of this phenomenon: "protective factors". The first part of the article is devoted to the theoretical overview of the problem of aggression inhibitors, which not only traces the history of the studies of this phenomenon, but also makes an attempt to analyze few up-to-day theories of aggressive behavior, aimed at objectivation of the psychological mechanism of interaction of proaggressive and inhibiting personality structures.

Keywords: aggressive behavior, aggression inhibitors, personality structures inhibiting aggression, protective factors, aggression theories.

References

1. *Bandura A.* Teorija social'nogo nauchenija. – SPb.: Evrazija, 2000. 320 s.
2. *Bartol K.* Psihologija kriminal'nogo povedenija. – SPb.: Prajm-EVROZNAK, 2004. 352 s.
3. *Berkovic L.* Agressija: prichiny, posledstvija i kontrol'. – SPb.: Prajm-EVROZNAK, 2002. 512 s.
4. *Bogdan S.S.* Chelovecheskaja destruktivnost' kak forma agressii: jekzistencial'no-gumanisticheskij podhod // Istoricheskie, filosofskie,

- politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. S. 20–23.
5. *Bulygina V.G.* Novye instrumenty v zarubezhnoj praktike – strukturirovannoe izmerenie protektivnyh faktorov riska nasilija // Kochenovskie chtenija «Psihologija i pravo v sovremennoj Rossii». Sbornik tezisov uchastnikov Vserossijskoj konferencii po juridicheskoj psihologii s mezhdunarodnym uchastiem. – M.: MGPPU, 2012. S. 48–50.
 6. *Kalashnikova A.S.* Sootnoshenie lichnostnyh predposylok raznonapravlennoj (getero- i auto-) agressii // Mir psihologii. 2009. № 4. S. 258–266.
 7. *Kalashnikova A.S.* Psihologicheskie mehanizmy autoagressivnyh i geteroagressivnyh dejstvij u lic s psihicheskimi rasstrojstvami, ne iskljuchajushhimi vmenjaemosti [Jelektronnyj resurs] // Medicinskaja psihologija v Rossii. 2011. № 3(8). URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2011_3_8/nomer/nomer07.php (data obrashhenija: 18.11.2013).
 8. *Lozhkin A.I.* Psihologija lichnosti agressivno-nasil'stvennogo prestupnika (motivacionno-smyslovoj aspekt). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. jurid. in-ta MVD Rossii, 2002. 136 s.
 9. *Lorenc K.* Agressija (tak nazyvaemoe «zlo»): Per. s nem. – M.: Izdatel'skaja gruppa «Progress», «Univers», 1994. 272 s.
 10. *Nalchadzhjan A.A.* Agressivnost' cheloveka. – SPb.: Piter, 2007. 736 s.
 11. *Safuanov F.S.* Psihologija kriminal'noj agressii. – M.: Smysl, 2003. 300 s.
 12. *Frejd Z.* Psihologija besoznatel'nogo: Sb. proizvedenij / Sost., nauch. red., avt. vstup. st. M.G. Jaroshevskij.– M.: Prosveshhenie, 1990. 448 s.
 13. *Fromm Je.* Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti. Per. s nem. M.: AST, 2006. 640 s.
 14. *Anderson G.A., Carnagey N.L.* Violent evil and the general aggression model / Chapter in Miller A.G. (Ed.) The social psychology of good and evil. New York Guilford Publications, 2004. Pp. 162–192.
 15. *Blum R.W., Ireland M.* Reducing risk, increasing protective factors: Findings from the Caribbean Youth Health Survey // Journal of Adolescent Health, 2004. № 35. Pp. 493–500.
 16. *Cobb R.A., DeWall C.N., Lambert N.M., Fincham F.D.* Implicit theories of relationships and close relationship violence: does believing your relationship

- can grow relate to lower perpetration of violence? / Personality and social psychology bulletin. 2013. Pp. 279–292.
17. *Cooper C., Eslinger D.M., Stolley P.D.* Hospital-based violence intervention programs work // Journal of Trauma-Injury Infection and Critical Care, 2006. № 61. Pp. 534–540.
 18. *Costa F.M., Jessor R., Turbin M.S.* Transition into adolescent problem drinking: The role psychosocial risk and protective factors // Journal of Studies on Alcohol, 1999. № 60. Pp. 480–490.
 19. *DeMatteo D., Heilbrun K., Marczyk G.* Psychopathy, risk of violence, and protective factors in a noninstitutionalized and noncriminal sample // International Journal Of Forensic Mental Health, 2005. № 4. Pp. 147–157.
 20. *Denson T.F., DeWall C.N., Finkel E.J.* Self-Control and Aggression / Current Directions in Psychological Science, 2012. Pp. 20–25.
 21. *DeWall C.N., Anderson C.A., Bushman B.J.* The general aggression model: Theoretical extensions to violence / Psychology of Violence. 2011. № 1. Pp. 245–258.
 22. *Dollard J., Doob L., Miller N.E., Mowrer H.O., Sears R.R.* Frustration and aggression. New-Haven, Yale, 1939. 121 p.
 23. *Douglas K.S., Skeem, J.L.* Violence risk assessment: Getting specific about being dynamic // Psychology, Public Policy, and Law, 2005. № 11. Pp. 347–383.
 24. *Ezell M.E., Cohen L.E.* Desisting from crime: Continuity and change in long-term crime patterns of serious chronic offenders // N.Y.: Oxford University Press, 2005. P. 20.
 25. *Farrington D.P., Loeber R.* Epidemiology of juvenile violence // Child and Adolescent Psychiatric Clinics of North America, 2000. № 9. Pp. 733–748.
 26. *Fitzpatrick K.M.* Fighting among America's youth: A risk and protective factors approach // Journal of Health and Social Behavior, 1997. № 38. Pp. 131–148.
 27. *Fonagy P., Target M., Steele H.* The development of violence and crime as it relates to security of attachment // in J. Osotsky (ed.) Children in a violent society, N.Y.: Guildford Press, 1997. Pp. 150–177.
 28. *Gagliardy G.J., Lovell D., Peterson P.D., Jemelka R.* Forecasting recidivism in mentally ill offenders released from prison // Law and Human Behavior, 2004. № 28. Pp. 133–155.

-
29. *Gendreau P., Goggin C., Gray G.* Case needs review : Employment domain // Saint Jonh, NB: Centre for Criminal Justice Studies, University of New Brunswick, 2000.
 30. *Hawkins J.D., Catalano R.F., Miller J.Y.* Risk and protective factors for alcohol and other drug problems in adolescence and early adulthood: Implications for substance abuse prevention // Psychological Bulletin, 1992. № 112. Pp. 64–105.
 31. *Heilbrun K.* Violence risk: From prediction to management // in D. Carson and R. Bull (eds) Handbook of psychology in legal context. N.Y.: Wiley, 2003. Pp. 127–142.
 32. *Howells K., Day A., Williamson P., Bubner S., Jauncey S., Parker A., Heseltine K.* Brief anger management programs with offenders: Outcomes and predictors of change, Journal of Forensic Psychiatry and Psychology, 2005. № 16. Pp. 296–311.
 33. *Jessor R., Turbin M.S., Costa F.M., Dong Q., Zhang H., Wang C.* Adolescent problem behavior in China and the United States: A cross-national study of psychosocial protective factors. Journal of Reseach on Adolescence. 2003. № 13. Pp. 329–360.
 34. *Jones N.J., Brown S.L.* Positive reframing: The benefits of incorporating protective factors into risk assessment protocols // Crime scene, 2008. № 15. Pp. 22–24.
 35. *Kandel E., Mednick S.A., Kirkegaard-Sorensen L., Hutchings B., Knop J., Rosenberg R., Schulsinger F.* IQ as a protective factor for subjects at high risk for antisocial behavior // Journal of Interpersonal Violence. 1988. № 25. Pp. 568–587.
 36. *Maruna S., Roy K.* Amputation or reconstruction? Notes on the concept of 'knifing off' and desistance from crime // Journal of Contemporary Criminal Justice. 2006. № 22. Pp. 1–21.
 37. *Pearce M.J., Jones S.M., Schwab-stone M.E., Ruchkin V.* The protective effects of religiousness and parent involvement on the development of conduct problems among youth exposed to violence // Child Development. 2003. № 74. Pp. 1682–1696.
 38. *Resnick M.D., Ireland M., Borowsky I.* Youth violence perpetration: What protects? What predicts? Findings from the National Longitudinal Study of Adolescent Health. 2004. № 35. P. 424.
 39. *Rogers R.* The uncritical acceptance of risk assessment in forensic practice // Law and Human Behavior. 2000. № 24. Pp. 595–605.
 40. *Ross T., Fontao M.I.* The relationship of self-regulation and aggression: an empirical test of personality systems interaction theory / International journal of offender therapy and comparative criminology. 2008. Pp. 554–572.

-
41. *Rutter M.* Resilience in the face of adversity: protective factors and resistance to psychiatric disorder // *Br J Psychiatr*, 1985. Pp. 598–611.
 42. *Tangney J.P., Baumeister R.F., Boone A.L.* High self-control predicts good adjustment, less pathology, better grades, and interpersonal success // *Journal of Personality*. 2004. № 72. Pp. 271–324.
 43. *Tangney J.P., Stuewig J., Mashek D., Hastings M.* Assessing jail inmates' proneness to shame and guilt: feeling bad about the behavior or the Self? / *Criminal justice and behavior*, 2011. Pp. 710–734.
 44. *Turbin M.S., Jessor R., Costa F.M., Dong Q., Zhang H., Wang C.* Protective and risk factors in health-enhancing behavior among adolescents in China and the United States: Does social context matter? // *Health Psychology*, 2006. № 25. Pp. 445–454.
 45. *Vance J.E., Bowen N.K., Fernandez G., Thompson S.* Risk and protective factors as predictors of outcome in adolescents with psychiatric disorder and aggression // *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. 2002. № 41. Pp. 36–43.
 46. *Vaughan B.* The internal narrative of desistance // *British Journal of Criminology*. 2007. № 47. Pp. 390–404.
 47. *VriesRobbé de, Vogel de.* Chapter on Protective factors for violence risk: Bringing balance to risk assessment and management // *Managing Clinical Risk* by Caroline Logan & Lorraine Johnstone, 2012. Pp. 293–310.
 48. *Webster C.D., Martin M., Brink J., Nicholls T.L., Middleton C.* Short-Term Assessment of Risk and Treatability (START): An evaluation and planning guide. Hamilton, Ontario: St. Joseph's Healthcare Hamilton, 2004. Pp. 1–15.